

**Актуальные проблемы ответственности за решения принимаемые
Искусственным интеллектом**

Научный руководитель – Зуева Анна Сергеевна

Головина Софья Евгеньевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Высшая школа
государственного аудита, Москва, Россия
E-mail: Golovinasonya454@gmail.com

Технологии искусственного интеллекта проникают во все сферы общественных отношений: медицину, финансы, транспорт, правосудие. Алгоритмические системы уже сегодня принимают решения о выдаче кредитов, постановке диагнозов, управлении беспилотными автомобилями и даже вынесении рекомендаций по мерам пресечения. Ошибочные решения ИИ влекут реальный вред — имущественный, физический, репутационный. Между тем действующее российское законодательство не содержит специальных норм, устанавливающих порядок привлечения к ответственности за такой вред, что порождает острую правовую неопределённость.

1. Экспериментальный правовой режим как инструмент регулирования ИИ

Одним из ключевых механизмов адаптации права к стремительно меняющимся технологическим реалиям стал институт экспериментального правового режима (ЭПР), известный также как «регуляторная песочница». В России он закреплён Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций». Суть ЭПР состоит в том, что участники инновационного проекта получают возможность действовать в ограниченной среде по специальным правилам, отличным от общего законодательства, что позволяет апробировать новые технологии без риска массового применения непроверенных норм.

Московский эксперимент по применению ИИ в здравоохранении (2019–2022) наглядно продемонстрировал как потенциал, так и риски ЭПР: системы лучевой диагностики показали высокую точность, однако случаи расхождения с заключениями врачей поставили вопрос о распределении ответственности за ошибочный вывод алгоритма. Аналогичные ЭПР в сфере беспилотного транспорта (постановление Правительства РФ № 1415 от 2018 г.) обнажили пробел в части определения надлежащего ответчика при ДТП с участием автономного транспортного средства.

Принципиальная проблема ЭПР применительно к ответственности заключается в следующем: режим «песочницы» приостанавливает действие ряда норм общего законодательства, однако не создаёт равнозначной системы гарантий защиты пострадавших. В результате лица, понёсшие вред в период действия ЭПР, нередко оказываются в правовом вакууме. Необходимо законодательно закрепить, что введение ЭПР не освобождает участников от обязанности возмещать вред, причинённый в ходе эксперимента, и установить обязательное страхование такой ответственности как условие участия в режиме.

2. Материальная ответственность за решения искусственного интеллекта

Материальная ответственность за вред, причинённый ИИ-системами, представляет собой наиболее практически значимый аспект проблемы. В гражданско-правовом измерении возможны несколько моделей её возложения.

Первая — ответственность разработчика по модели ответственности за вред от источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Поскольку автономные системы, подобно

транспортным средствам, создают повышенную вероятность причинения вреда, объективная ответственность их создателя представляется обоснованной. Разработчик как сторона, обладающая наибольшей осведомлённостью об алгоритмических рисках, должен нести бремя их страхования и компенсации. Европейский закон об ответственности в сфере ИИ (AI Liability Directive, 2022) движется именно в этом направлении, вводя презумпцию причинно-следственной связи для систем высокого риска.

Вторая модель — солидарная ответственность разработчика и оператора. Оператор, внедряющий ИИ в производственный процесс, принимает на себя риски, связанные с его эксплуатацией. Именно он определяет контекст применения алгоритма и обязан обеспечить надлежащий контроль. Солидарная ответственность с правом регрессного требования к разработчику стимулирует обоих участников к повышению качества системы и прозрачности её работы.

Третья модель — страхование ответственности по аналогии с ОСАГО. Обязательное страхование рисков, связанных с применением ИИ высокого риска, способно обеспечить гарантированное возмещение вреда независимо от платёжеспособности конкретного ответчика. Данная концепция активно обсуждается в рамках реформирования российского законодательства об ИИ и заслуживает законодательного закрепления.

Особую сложность представляет доказывание размера материального вреда в случаях, когда решение ИИ повлекло косвенные убытки — например, отказ в выдаче кредита на основании алгоритмической оценки кредитоспособности или ошибочный медицинский диагноз. Суды вынуждены опираться на экспертные заключения, однако непрозрачность («чёрный ящик») нейросетевых моделей затрудняет установление причинной связи. Введение законодательного требования об объяснимости решений ИИ-систем высокого риска является необходимым условием эффективной защиты имущественных прав пострадавших.

Заключение

Сложившаяся правовая ситуация требует неотложного реагирования законодателя. Необходимо, во-первых, дополнить Федеральный закон № 258-ФЗ нормами, гарантирующими возмещение вреда в рамках ЭПР и устанавливающими обязательное страхование ответственности участников. Во-вторых, внести изменения в Гражданский кодекс РФ, закрепив объективную ответственность разработчиков и операторов ИИ-систем высокого риска. В-третьих, ввести стандарты объяснимости алгоритмических решений, обеспечивающие возможность судебного доказывания. Только комплексный подход позволит обеспечить баланс между стимулированием инноваций и эффективной защитой прав граждан в условиях цифровой трансформации.

Источники и литература

- 1) Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».
- 2) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Ст. 1079.
- 3) Proposal for a Directive on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive). European Commission, 2022.
- 4) Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council on Artificial Intelligence (AI Act). OJ L, 2024.
- 5) Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий. М.: Проспект, 2019.
- 6) Савельев А. И. Право в эпоху цифровой трансформации. М.: Статут, 2021.